

В диссертационный совет Д. 212.198.07

(по историческим наукам)

Российского государственного гуманитарного университета

ОТЗЫВ

Официального оппонента на диссертационную работу Писарева Алексея Евгеньевича «Боеспособность московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII вв.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история»

Прежде чем перейти к детальному разбору настоящей диссертации, отмечу несколько важных моментов по поводу актуальности подобных исследований вообще. Дело в том, что по-настоящему военно-исторические темы, сугубая военно-историческая проблематика – крайняя редкость в отечественной историографии, особенно если речь идёт о периоде допетровском. Иностранные исследователи сходятся на том, что для периода с 1613 по 1725 г. практически все аспекты русской военной истории нуждаются в серьезных исследованиях ¹. Они постоянно сетуют на крайний недостаток научной литературы по военной тематике XVII в., называя его наименее исследованным веком в русской истории ².

Этот недостаток особенно заметен на фоне настоящего ренессанса, который переживает военно-историческая проблематика в западной, то есть европейской и американской историографии. Некоторый период забвения и

---

¹ Stevens, Carol B. *Russia's Wars of Emergence, 1460–1730*. Harlow, 2007. P. 305

² *The Military History of Tsarist Russia*. Edited by Frederick W. Kagan and Robin Higham. N.Y., 2002. P. 43.

даже полного отрицания актуальности военной истории, вызванный целым рядом обстоятельств, был преодолен. Главным образом, военные историки нашли выход из кризиса в смене методов и объектов исследования: вместо позитивистского, кропотливого разбора и описания по источникам боевых действий или полковых хроник они нашли целое созвездие проблем, связанных с военно-исторической тематикой. Это и военная антропология, изучающая поведение человека в экстремальных условиях военного времени, и гендерные исследования, и анализ военной экономики и финансовых систем, и военная медицина и техника, и прикладные исторические дисциплины (вексиллология, униформология, геральдика, фалеристика и т. п.), и микроистория, и культурно-исторические аспекты существования и функционирования вооруженных сил, и т. п. Видное место в этом ряду занимает изучение ментальности военного человека, всего того, что связано с особым миром его традиций, обычаев, взглядов на ведение войны, смерть, религиозных убеждений и суеверий.

Конечно, отечественные историки не остаются в стороне от подобной проблематики, доказательством чему являются такими признанные форумы, как ежегодная конференция «Война и оружие», проходящая в Санкт-Петербурге на площадке ВИМАиВС, семинар «Военно-историческая антропология и психология», существовавший в ИРИ РАН в 2001 – 2006 гг., отдельные военно-исторические секции на целом ряде других важнейших конференций. Однако бросается в глаза неравномерность в освещении различных эпох российской истории: основное внимание уделяется периоду XX века, довольно неплохо представлена проблематика Отечественной войны 1812 года, однако работы по «допетровскому», и даже петровскому периоду остаются единичным явлением. А тем более – работы грамотные, обширные, основанные на анализе широкого круга источников.

На этом фоне обращение исследователя, Алексея Евгеньевича Писарева, к проблеме «боеспособности» одного из заметных разрядов ратных людей Русского государства XVII – начала XVIII вв. – а именно,

московских стрельцов – можно только приветствовать. Историк не просто обратился к редкой тематике «допетровской» и раннепетровской военной истории, но и сознательно выбрал довольно сложный объект исследования. Категория «боееспособности» как самостоятельный предмет или объект исследования до сих пор не выделялась историками для отдельной монографии, тем более в отношении московских стрельцов. Следуя методу своего научного руководителя, Андрея Львовича Юрганова ³, соискатель кандидатской степени в первую очередь обстоятельно рассмотрел данную категорию с точки зрения современников стрелецкого войска, и лишь затем приступил к изложению и анализу конкретно-исторического материала. По справедливому замечанию автора, им «использованы идеи методологии источниковедения культуры, высказанные А.Л. Юргановым, такие как саморефлексия исследователя при работе с источником, примат источника над допытной рефлексией историка и ряд других» (С. 17).

Изучение по источникам категории «боееспособности» позволило автору уже на начальном этапе диссертационного исследования прийти к важному выводу о том, что «регулярство», «регулярный характер» армии или отдельных ее частей не может считаться аналогом «боееспособности» или как-то повышать уровень этой боееспособности. Боевые качества московских стрельцов полностью отвечали высшим стандартам в понимании московского общества, при том, что их организация не соответствует критериям «Регулярной армии» (Эпохи императора Петра Великого) (С. 58).

Другим, довольно важным новаторским моментом в исследовании, который также сближает его с современными западными аналогами, является широкое применение средств «практической археологии» - известных у нас в стране как составляющие «военно-исторической реконструкции». Алексей Евгеньевич, занимаясь уже более 10 лет исторической реконструкцией московского стрельца второй половины XVII столетия, здраво и обоснованно рассуждает о таких специальных темах, как скорость стрельбы из

---

³ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1999.

фитильного мушкета, техника безопасности при интенсивной стрельбе строем (самовозгарание пороховниц и т. п.), превосходство бердыша над шпагами и длинными пиками, и многое другое. Это позволяет по-новому взглянуть на проблемы обучения ратных людей, их поведения в бою и походе, и в конце концов вносит ценный вклад в решение поставленной задачи – изучение боеспособности московских стрельцов (с. 17, 108 и др.).

Переходя к основному объёму диссертации – главам, освещающим боевой путь приказов и полков московских стрельцов в 1654 – 1713 гг. – отметим грамотный подход к систематизации источников. Действительно, целесообразно группировать сведения, так или иначе освещающие проблему боеспособности, по отдельным войнам и даже кампаниям. Это позволяет проследить некие общие черты боевых качеств стрелецкого войска, и, в то же время, наблюдать их развитие в исторической динамике.

Очень важный вывод, который был сделан автором в диссертации – это вывод о постепенном стирании того резкого различия в социальном составе и сословном статусе московских стрельцов и новонабранных солдатских и драгунских полков, который наблюдается в 1630-х – 1650-х гг. В качестве основных причин автор справедливо называет тяжелые потери, которые понесло все московское стрелецкое сословие во время чумы 1654 – начала 1655 гг. (С. 71), необходимость увеличения численности элитной пехоты, а затем стремление правительства зачислить на постоянную ратную службу опытных, прошедших обучение солдат из расформированных гарнизонных полков в Литве и Белоруссии (С. 120).

Другой важный вывод, вытекающий из анализа боевых действий, а также документов о снабжении и обучении войск – это постепенное стирание каких-либо отличий в вооружении и тактике, а значит, и в методах обучения между солдатами и московскими стрельцами (С. 101, 115). Стрельцы перешли на применение наиболее передовой для своего времени линейной тактики, а солдаты, в свою очередь, переняли традиционное стрелецкое оружие – бердыши, оставив шпаги и пики.

Следует также отметить такие интересные моменты в диссертации, как сведения о медицинском обеспечении московских стрельцов (С. 55), льготы вдовам и детям, выплата планового и внепланового государева жалования, и т. п. По справедливому замечанию автора, все это только укрепляло стойкость московских стрельцов, усиливало у них привязанность к царскому Дому и чувство элитарного характера их службы.

В целом, с большинством выводов, приведенных в конце данной диссертации можно согласиться, как со вполне обоснованными и справедливыми.

Переходя к недостаткам работы, следует сразу оговорить, что эти недостатки трех типов.

Во-первых, это несомненные недочеты общего характера, относящиеся к анализу источников и историографии, обоснованности некоторых промежуточных выводов и т. п.

Во-вторых, это ошибки или недочеты, непосредственно касающиеся заявленной проблемы «боеспособности».

И в-третьих – это неточности, которые неизбежно возникают в связи с полной неизученностью других вопросов истории стрелецкого войска – таких, как точная хронология организационных изменений, смены голов и полковников, перевооружения и т. п.

Остановимся на некоторых из них по очереди.

1. Историографии стрелецкой проблемы автор посвятил 10 страниц во введении, дав подробный и довольно эмоциональный перечень работ, автор и их мнений в отношении стрельцов. Историография боевых действий, истории вооруженных России и ее соседей отдельно не рассматривается. Между тем, не вполне ясно, по каким причинам автор не привлек к исследованию такие сборники статей, как выпуски альманаха «Единорогъ», который содержит новые материалы по сражениям 1654 – 1667 гг.,

современную польскую историографию отдельных сражений, а пользуется научно-популярной работой В. В. Каргалова.

Анализ источниковой базы занимает всего две – три страницы во Введении к диссертации. Автор дает лишь краткие характеристики каждого архивного фонда (РГАДА), которые привлечены к исследованию. За рамками повествования остаются вопросы полноты привлеченных материалов. В частности, не совсем понятно, почему из всего обширнейшего фонда 210 «Разрядный приказ» использованы только последние три описи (№№ 19 – 21), составленные уже в советское время из россыпи документов – причем отчасти приказа Тайных дел? Между тем, нет никаких ссылок на такие разделы, как Книги и Столбцы различных столов Разряда.

Очень интересен и насыщен информацией и новыми оригинальными гипотезами раздел, посвященный Московскому восстанию 1682 г. (С. 203 – 218). Однако автор не приводит данных из новейшей работы А. С. Лаврова (Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682-1689 гг., М., 1999) и полемизирует лишь с советскими историками Бугановым и Павленко. В итоге, после критики стрелецких челобитных А. Е. Писарев возвращается к абсурдному выводу официозной историографии XIX в. о ведущей роли князей Хованских и расколоучителей в организации стрелецкого выступления. Между тем, прекрасно известно, что Хованские не имели никакого отношения к московским стрельцам в период составления ими челобитных и самого майского восстания, а были назначены во главе приказа Надворной пехоты позже – как люди, не связанные родственно с партиями Нарышкиных и Милославских и, в то же время, не менее авторитетные военачальники, чем убитые стрельцами князя Г. Г. Ромодановский и Ю. А. Долгоруков.

2. Что касается темы реальной боеспособности стрельцов в походах и битвах, здесь перечень недочетов минимален. Действительно, автор убедительно показал элитный характер стрелецких подразделений, их

стойкость и дисциплину, привел доказательства хорошей выучки и качественного вооружения и тактики. Однако необходим более взвешенный подход к вопросу о боевых качествах главной альтернативы московских стрельцов – солдатских и драгунских подразделений, выборных полков солдатского строя. Конечно, это тема столь же обширного исследования – а то и не одного – но без решения этого вопроса компаративный анализ выглядит не вполне убедительным.

3. И здесь мы переходим к главной области, в которой, к сожалению, многие выводы и гипотезы уважаемого исследователя выглядят неубедительно. Дело в том, что важные вопросы истории стрелецкого войска чисто «позитивистского» характера остаются нерешенными. Это вопросы хронологии возникновения отдельных приказов, преемственности командиров стрелецких подразделений, важный вопрос их старшинства (и неофициальной нумерации), проблема внутренней структуры и численности, проблема перевооружения и т. п. Именно в этих сферах масса нерешенных проблем, и автор, в силу вполне естественной неполноты опубликованных источников, вступает на зыбкую почву обобщений, предположений, гипотез, недостаточно обоснованных и скоропалительных.

Это касается таких моментов, как причина вооружения стрельцов фитильным мушкетом, который вовсе не являлся «анахронизмом» для 1630-х – 70-х гг. Напротив, в европейских странах он сменил архаичные замки ударно-кремневого типа, ненадежные при интенсивном использовании в линейном бою, и поэтому считался передовым оружием. По итогам Чигиринских походов началось срочное перевооружение пехоты кремневыми мушкетами нового типа, которое в целом закончилось к эпохе Азовских походов (С. 40, 41). Следующий момент – якобы гибель половины московских стрельцов в Москве от чумы в 1654 – 1655 гг. (С. 46, 71 – 75). На самом деле, почти все стрелецкие приказы находились в тот момент в походе, а в Москве погибли члены их семей, отставные стрельцы и стрельцы временных приказов, присланные из городов. Еще один пример: увеличение

первых десяти приказов до «тысячного» состава уже в 1655 – 1656 гг. не подтверждается источниками – речь поначалу шла лишь о первых трех приказах (С. 75 и далее).

Указанные недочеты, которые, еще раз подчеркну, не относятся напрямую к теме исследования, поднимают важную глобальную методологическую проблему: а можно ли вообще приступать к исследованию антропологических аспектов военной истории в условиях, когда нерешенными остаются вопросы «позитивистского», чисто прикладного характера? Как видим, у исследователя в этом случае возникает ряд проблем, которые приходится решать уже «по ходу» работы, и, как видим, не всегда удачно.

Из мелких поправок, скорее поमारок, следует отметить некоторую путаницу с названием и автором главного пехотного устава русской армии «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданного в Москве в 1647 году. Автор хорошо знаком со статьей Марголина о структуре, языке и источнике этого военного учебника, но в то же время допускает досадную неточность с его названием: пишет «Kriegsgefar zu Fuss», а надо «Kriegskunst zu Fuss» (С. 37, 117). Кроме того – естественно, это просто помарка – называет однажды автором этого учебника не Иоганна Якоби фон Вальгаузена, а дьяка Анисима Михайлова Радишевского, известного автора рукописного «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607 – 1621 гг.) (С. 44).

Другая помарка – в качестве главнокомандующего русских войск при Конотопе назван не Трубецкой, а кн. Хованский (как и в предыдущем по упоминанию сражении при Полонке) (С. 29). Хочется отметить, что эти замечания легко поправимы и не свидетельствуют о какой-то некомпетентности автора – это пожелания перед публикацией данной работы, которая вполне востребована в научном плане.

Все высказанные замечания не умаляют ценности диссертации как квалифицированной научной работы. Содержание диссертации целиком соответствует указанной научной специализации — 07.00.02 — «Отечественная история».

Автореферат соответствует тексту диссертации и заявленной научной специальности. Одиннадцать опубликованных работ и автореферат соответствуют теме диссертационного исследования и отражают основные положения и выводы диссертации.

Диссертационная работа А.Е. Писарева «Боеспособность московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII вв.» является законченной научно-квалификационной работой, которая содержит новое решение актуальной научной задачи — исследование «боеспособности» московского стрелецкого корпуса как важного критерия оценки его боевых качеств и исторического значения стрелецкого войска в целом. Данная задача имеет существенное значение для отечественной истории.

Представленная рукопись соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, является самостоятельным и законченным исследованием, выполненным на должном научно-теоретическом уровне, а её автору — А.Е. Писареву — может быть присвоена ученая степень кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - «Отечественная история».

2 мая 2017 года

Официальный оппонент

Подпись *О.А. Курбатова*
УДОСТОВЕРЯЮ.
Ответственный за работу с кадрами:
С.А. Францкина
02 мая

Олег Александрович Курбатов

кандидат исторических наук
заведующий архивохранилищем
Центральных учреждений XVIII века
Федеральное архивное агентство
Российский государственный
архив древних актов

119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17

rgada@mail.ru, 8 (499) 246 50 91